

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №4, Том 11 / 2020, No 4, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK420.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Бондарь О.А., Пластинина Н.А. Когнитивный потенциал прецедентных феноменов в комической и иронической интенции недосказанности: проблемы перевода // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK420.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bondar O.A., Plastinina N.A. (2020). Cognitive potential of precedent phenomena in the comic and ironic intention of understatement: problems of translation. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK420.pdf> (in Russian)

УДК 81'25

ГРНТИ 16.31.41

Бондарь Ольга Александровна

ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Нижневартовск, Россия
Старший преподаватель
E-mail: bondar.ol@bk.ru

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=1051319

Пластинина Нина Анатольевна

ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», Нижневартовск, Россия
Доцент

Кандидат филологических наук

E-mail: nina.plastinina2011@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7658-890X>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=788480

Когнитивный потенциал прецедентных феноменов в комической и иронической интенции недосказанности: проблемы перевода

Аннотация. Статья посвящена изучению прецедентов как феноменов, обладающих когнитивным потенциалом для создания скрытых, ироничных интенций, способствующих достижению юмористического эффекта. Юмор, по мнению многих лингвистов, несет в себе отражение национальной культуры, поэтому интерпретация и объяснение его специфических черт приобретает особую важность при изучении иностранного языка и переводе. Авторы считают одним из уникальных проявлений британского юмора использование коммуникативной категории «недосказанность (understatement)». Данная категория выражается в уклончивых, скрытых высказываниях, целью которых является оказание определенного воздействия на слушающего. Обосновывается мысль о том, что прецедентные феномены в данном случае могут обладать широким потенциалом для реализации этой функции. При переводе высказываний, содержащих в себе прецедентную информацию, переводчику необходимо сохранить тот же коммуникативный эффект, который производит оригинальный текст. В статье проанализированы переводческие решения и выявлены стратегии перевода прецедентных феноменов в ироничном контексте недосказанности.

Ключевые слова: прецедентные феномены; категория «недосказанность (understatement)»; ирония; юмор; межкультурная коммуникация; перевод; метадискурсивная деятельность переводчика

Исследование юмора в разных языковых общностях способствует выделению общих и специфических черт восприятия мира людей, говорящих на определенном языке. Являясь компонентом культуры, юмор помогает выразить эмоции и развить связи между людьми. Юмор также содержит коннотации, носящие имплицитный характер, и для его полного понимания коммуниканты должны обладать схожим набором фоновых знаний, что представляется трудным в аспекте межкультурной коммуникации.

Изучение юмора в лингвистическом и дескриптивно-семиотическом аспектах отражается в работах отечественных (В.Я. Проппа, М.А. Кулинич, Ю.В. Латышева, В.И. Карасика, А.В. Карасика, А. Вежбицкой, Ю.М. Лотмана) и зарубежных исследователей (Д. Делабастига, С. Аттардо, К. Фокс, Дж. Микеша, У. Нэша, В. Раскина). Исходной позицией для исследования юмора с точки зрения межкультурного общения является тезис, что юмор, безусловно, является универсальной категорией, однако на языковом уровне проявляет значительные различия культур.

Как указывает В.М. Савицкий, межкультурное общение, включая понимание иноязычного юмора, возможно лишь при условии глубинной аккультурации – формировании второй языковой личности, что предполагает понимание и принятие духовных ценностей и установок, характерных для иной национальной психологии [1]. По справедливому замечанию В. Франкла, юмор дает человеку возможность занять дистанцию по отношению к чему угодно, в том числе и к самому себе, и обрести тем самым полный контроль над собой [2, с. 127]. Говоря о дистантности и самоконтроле в контексте межкультурной коммуникации, особый интерес представляет английская лингвокультура, основными чертами которой являются самообладание, плюрализм, терпение, сдержанность в проявлении негативных и позитивных эмоций и оценок. Английский юмор часто признается уникальным, как самими англичанами, так и представителями других народов. Смех над собой и над другим совершенно естественен для англичан, это свойство вращивалось веками и отражено в старинных английских книгах хороших манер, где указывается, что «чувство юмора можно и нужно культивировать», а «идеальный мужчина непременно должен иметь чувство юмора, иначе он будет далек от совершенства» [3, с. 258].

По утверждению К. Фокс, в английской речевой культуре юмор и ирония настолько распространены, что в любом разговоре всегда присутствует насмешка, ирония, самоирония, преуменьшение и недосказанность [4, с. 61]. Упомянутые выше черты в своей совокупности образуют уникальное явление “understatement”. Ю.П. Королева, описывая юмор в социокультурном контексте, называет “understatement” (преуменьшение) типичным видом английского юмора, наряду с игрой слов, самоиронией, парадоксом, черным юмором [5, с. 212]. Нами данный феномен рассматривается в качестве коммуникативной категории «недосказанность (understatement)», наделенной множеством функций, таких как проявление вежливого отношения говорящего, демонстрация неуверенности в выполнении какого-либо действия, желание дистанцировать участников диалога, предотвратить или смягчить конфликт и т. д. [6, с. 62–63]. В данной работе мы рассмотрим указанную категорию с точки зрения выражения ироничных интенций автора. Так, в ситуации, где представитель русской лингвокультуры воскликнул бы: «Я был в ужасе!», англичанин сдержанно отметит: “I was a little bit nervous”. Сложность данного явления заключается в его скрытом, закодированном виде.

Этим затрудняется задача переводчика, который должен для начала распознать проявление категории «недосказанность (understatement)» в английском тексте, а затем передать этот эффект средствами другого языка, сохранив ироническую интонацию и сделав её доступной для русскоязычного читателя. Для успешного перевода иронии или комического переводчику необходимы широкие фоновые знания исторических и социокультурных особенностей исходной и принимающей лингвокультур, их моральных и этических ценностей, традиционных концептов юмора и видов его реализации, знание целевой аудитории [7]. Бинарная древовидная модель перевода юмора, созданная П. Сабальбеаскоа, по мнению автора, наилучшим образом объединяет и объясняет стратегии перевода комического, сформулированные С. Аттардо в работе ‘Linguistic Theories of Humour’ (1994) [8]. П. Сабальбеаскоа приходит к выводу, что существующие тождества или сходства между лингвокультурами могут иметь мало общего с понятием забавности, и, если это так, это создает дилемму для переводчиков, желающих добиться аналогичного эффекта при лингвокультурном переносе [7].

Этому же аспекту посвящены исследования Л. Манини, который подчеркивает осложненность и различия перевода комического в печатном и аудиовизуальном тексте [9] – ‘[A] distinction needs to be made between translating for the stage and translating for the page’ (Необходимо проводить различие между переводом для сцены и переводом печатного текста – *перевод наш О.Б. и Н.П.*).

Возвращаясь к тезису о том, что для понимания юмора большое значение имеет общность фоновых знаний, необходимо отметить, что важным компонентом коллективных фоновых знаний, а также неотъемлемой частью культурной грамотности языковой личности, являются прецедентные феномены. Упомянутое явление представляет собой особую группу вербальных феноменов, наиболее узнаваемых в определенном лингвокультурном сообществе, и отображающих национальные и культурные традиции этноса в оценке исторических событий, искусства, литературы, фольклора и т. д. [9–11]. Они могут быть наделены дополнительной семантической нагрузкой, стать основой для создания аллюзий, комического эффекта, игры слов. Прецеденты могут обладать когнитивным потенциалом и широкой объяснительной силой, иллюстрировать референтность к историческому, культурному событию, широко известному в определенной лингвокультуре. Наличие таких прецедентных феноменов может вызвать проблемы при переводе текста, причем вопрос заключается не только в том, возможно ли технически транспонировать эти феномены в целевой язык, но и в том, в какой степени это будет уместно. По мнению Д. Делабастицы, в данном случае принимаются во внимание не только технические проблемы и приемы перевода имен собственных и названий, но и другие факторы, которые могут повлиять на выбор переводческого решения, например, жанр, целевая аудитория, уровень прецедентности, культурные традиции принимающей лингвокультуры [10].

Таким образом, неоспоримым является утверждение о трудности перевода текста, содержащего в себе элемент комического, однако еще больший интерес представляет рассмотрение функционирования прецедентных феноменов в юмористическом контексте, несущем в себе интенции недосказанности и недоговоренности, а также анализ стратегий их перевода.

Методами данного исследования являются выделение и описание языковых явлений, содержащих в себе отражение британской культуры, текстовый анализ юмористических отрывков с элементами прецедентности, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа оригинального и переводного текстов.

Источником примеров послужил роман британского автора Хью Лори «Торговец пушками»¹ (Hugh Laurie “The Gun Seller”²) и его перевод на русский язык. Выбор данного художественного произведения обоснован его жанровой спецификой, а также индивидуальной манерой письма автора с присущим ему ироничным описанием событий и характеров.

В работах исследователей, изучающих прецедентность и проблемы перевода прецедентных феноменов (Н.Д. Бурвикова, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, И.М. Михалева, Е.А. Нахимова, Ю.Е. Прохоров, Ю.А. Сорокин, А.Е. Супрун, D. Chiaro, L. Manini, V. Maher и др.), выделяются такие понятия, как прецедентный текст, прецедентное высказывание, текстовая реминисценция, прецедентная текстовая реминисценция, прецедентные имена. Все они, в целом, имеют схожее значение, а именно: лингвисты утверждают, что члены общества должны знать, распознавать прецедентные феномены и использовать их. В самых различных языках имена *Дон Жуан* и *Ловелас* означают человека, интересующегося многими женщинами, *Вольтер* является символом свободомыслия, *Дон Кихот* ассоциируется с бескорыстной борьбой со злом. Согласно классификации В. В. Красных, такие прецедентные феномены относятся к универсальным [11, с. 50–51]. Значительное место в языке занимают его национальные концепты (*Сусанин*, *Обломов*, *Анна Каренина*). Они являются отражением национальной действительности и характера, следовательно, выступают в качестве средства приобщения индивида к своей или иноязычной культуре и ее ценностям [12, с. 143].

При переводе прецедентных феноменов важно не утратить адекватный смысл прецедентных ситуаций. По мнению многих авторов, для такого перевода потребуется использование иного художественного кода. При этом встает вопрос о перекодировки смыслов прецедентных феноменов, их лингвокультурного переноса, так как подобные явления могут быть хорошо знакомы представителям той лингвокультуры, в составе которой они возникли, но для носителей другой культуры они могут не быть такими же легкими для восприятия [13; 14]. То же справедливо в отношении передачи недосказанности с одного языка на другой. Переводчик должен владеть различными видами переводческой трансформации и уметь эквивалентно передать коммуникативный эффект прецедента для сохранения содержания оригинальной ситуации, т. е. провести все действия по аппроксимации исходного текста [15].

Итак, рассмотрим некоторые примеры перевода прецедентных единиц в контексте иронических высказываний: «*By the time I reached the door, the younger of the two followers had disappeared. I tried to catch the eye of the older one, but he was studying a nameless print on the wall. I picked up the phone. ‘Master’, said Solomon, ‘all is not well in the state of Denmark’.* – К тому моменту, когда я добрался до двери, младший из соглядатаев уже куда-то свинтил. Я попытался поймать взгляд того, что постарше, но он увлеченно разглядывал бездарную гравюру на стене. – Командир, – в трубке раздался голос Соломона, – **не все в порядке в датском королевстве**. Фраза «all is not well in the state of Denmark» является отсылкой к классическому произведению Уильяма Шекспира «Гамлет», и может переводиться как «не все в порядке в датском королевстве». Таким образом, то, что на первый взгляд кажется пустяком и небольшой проблемой, на самом деле означает что-то непредвиденное, серьезное и требующее разбирательств. То есть прецедентный феномен в данном случае служит средством смягчения серьезности и важности ситуации, а именно выступает средством выражения категории «недосказанность (understatement)».

Здесь можно говорить об универсальности прецедентного феномена и поэтому переводчику не пришлось прибегать к использованию трансформаций или перекодировке –

¹ Лори, Х. Торговец пушками / пер. с англ. Рахуба А. – М.: Фантом Пресс, 2008. – 445 с.

² Laurie, H. The Gun Seller. – London: Heimann, 1996. – 339 p.

была применена стратегия прямого перевода. При этом прямой или буквальный перевод расценивается как операция перевода, при которой прецедентное высказывание перенесено в русский язык «слово в слово» [16; 17]. Наряду с этим в переводе на русский язык высказывание не теряет смысла, и вполне передает иронию и скрытую недооценку говорящего.

Тем не менее переводчик должен понимать, что прямой перевод и перевод с помощью транслитерации или транскрипции не может быть применен к национальным прецедентным феноменам. В такой ситуации возникает дилемма: с одной стороны необходимо сохранить национальный колорит и эмоциональную окраску, а с другой стороны интерпретация прецедентной единицы должна осуществляться с учётом параметров принимающей лингвокультуры. Следующий пример демонстрирует этот тезис в полной мере: «*While Halkerston browsed through it, I had to wonder how Ginny could hold her head up under the weight of cosmetics smeared all over her face. Underneath it all, she may have been quite pretty. Or she may have been **Dirk Bogarde**. I will never know*». – «Вполне возможно, что где-то там, очень глубоко под толстым слоем шпательки, скрывалась вполне **миленькая мордашка**. Хотя там запросто могло оказаться и что-нибудь вроде **тоскливой физиономии Дирка Богарда**. К сожалению, об этом я так никогда и не узнаю». Прецедентным именем в указанном отрывке является «Dirk Bogarde» (Дирк Богард) – известный английский актер, который прославился своими драматическими ролями. В данном фрагменте произведения главный герой сетует на большое количество макияжа на лице девушки и рассуждает, как оно могло бы выглядеть без этого макияжа, при этом используется контраст между женской красотой (quite pretty – миленькая мордашка) и мужественным и мрачным образом Дирка Богарда. Употребляя прецедентное имя, герой мягко вуалирует мысль, о том, что девушка без макияжа вовсе не так привлекательна, однако он не использует при этом категоричные лексемы, а заменяет их именем с четким образом. Представитель британской лингвокультуры легко уловит этот контраст и сумеет выделить ироничные интенции автора, прочувствует то, о чем недоговаривает и умалчивает автор. Однако несмотря на добавление в текст перевода словосочетания «тоскливая физиономия», для русскоязычного читателя имя актера, вероятно, покажется незнакомым, и поэтому распознать иронию и скрытую оценку внешности в рассмотренном выше высказывании скорее всего не удастся. **Смеем предположить, что решить эту переводческую задачу смогла бы замена имени Дирка Богарда на имя актера, которое будет более известно русскоязычному читателю.**

Важно добавить, что серьезной ошибкой переводчика может стать игнорирование прецедентной единицы или же неверное ее толкование. Так произошло при переводе следующего фрагмента романа: «*The road was dry and the ZZR needed a gallop, so I eased open the throttle in third gear and replayed some lines of **Captain Kirk to Mr Chekhov** in my head as the universe rearranged itself round my back wheel*» – «Дорога была сухой, мотоцикл просил о хорошем галопе, так что я переключился на третью скорость и поддал газку, предоставив вселенной закручиваться вокруг заднего колеса, а сознанию самому разбираться, на кого оно хочет походить – на **капитана Кёрка или бессребреника в духе героев Чехова**». В данном эпизоде главный герой, сидя на своем мотоцикле, собирается разогнаться до большой скорости и представляет, что он капитан космического корабля (Капитан Кёрк), который отдает приказ своему штурману (Павел Чехов) развить сверхзвуковую скорость. «Captain Kirk» (Капитан Кёрк) и «Mr Chekhov» (Мистер Чехов) являются прецедентными именами – это персонажи известного телесериала «StarTrek» (Звездный Путь), что является отсылкой к прецедентной ситуации, в которой Капитан Кёрк принимает решение о начале полета космического корабля и отдает приказы Мистеру Чехову о подготовке корабля к старту. Становится ясно, что при переводе прецедентных имен произошло значительное искажение ситуации, приведенной выше, и «штурман космического корабля Павел Чехов» становится «бессребреником в духе героев Чехова». Связано это с тем, что русскоязычному переводчику, вероятно, в первую очередь

приходит образ выдающегося русского прозаика и драматурга А.П. Чехова, и, скорее всего, автор перевода не знаком с героями указанного сериала. Добавим, что, несмотря на то, что переводчик оставил поясняющую ссылку: «Персонаж сериала «Звездный путь» («Star trek»), промышляющий контрабандой оружия», ее описание является неточным, так как Капитан Кёрк не был вовлечен в незаконную торговлю оружием, а являлся капитаном исследовательского корабля. Все это позволяет сделать вывод, что неверная интерпретация прецедентного феномена привела к серьезной смысловой ошибке. Автор данного перевода вложил в отрывок свой смысл, который лишь отдаленно напоминает то, что имелось в виду в оригинальном тексте. Поэтому для наиболее точного и качественного перевода необходимо убедиться в истинном значении той или иной прецедентной единицы и определить, с какой целью она используется автором.

Рассмотрим еще один пример, в котором внутренние индивидуальные ограничения, в данном случае – отсутствие фоновых знаний, (*термин Сабальбеаскоа*) не позволяют переводчику выполнить успешный перевод. Главный герой представляется своим старым другом Соломоном и проникает в американское посольство с целью раздобыть важную для него информацию: «Carl took me to a lift and stood aside while I entered. Music was being piped in at a maddeningly low volume, and if it hadn't been an embassy, I would have sworn that it was **Johnny Mathis** covering '**Bat Out Of Hell**'. Carl followed me in and swiped a plastic card through an electronic reader, then jabbed a number into the keypad beneath with an immaculately-gloved finger» – «Карл проводил меня к лифту и отступил на шаг в сторону, покуда я входил внутрь. Музыка здесь звучала едва слышно. Не будь это посольством, я мог бы поклясться, что они завели «**Нетопыря из преисподней**» **Джонни Мэтиса**. Карл вошел следом и, прокатив карточку через электронный считыватель, вдавил обтянутым безукоризненной перчаткой пальцем несколько кнопок на панели снизу». В данном отрывке мы встречаем сразу два прецедентных феномена, а именно Johnny Mathis (Джонни Мэтис) и «Bat Out Of Hell» («Летучая мышь из преисподней»). Johnny Mathis – американский исполнитель лирических баллад и автор песен, известный также своей работой в кино и на телевидении. Следует упомянуть, что Джонни Мэтис прославился такими песнями, как «Wonderful! Wonderful!», «I'm Stone In Love With You», «Right From the Heart» и др., которые являются лирическими балладами о любви. «Bat Out Of Hell» – песня с одноименного дебютного альбома американского певца Мита Лоуфа, выпущенного 21 октября 1977 года компанией Cleveland International. Важно отметить, что альбом, как и почти все творчество Мита Лоуфа, записан в стиле хард-рок.

На основании вышеупомянутой информации, мы можем прийти к заключению, что автор, прибегнув к помощи контраста этих прецедентных имен, имплицитно передает всю странность и нелепость происходящей с ним ситуации, и понять всю комичность этой картины можно только будучи знакомым с образами, скрытыми за указанными феноменами. Иначе говоря, мы вновь встречаемся с примером проявления категории «недосказанность (understatement)», базирующейся на использовании когнитивного потенциала прецедентов.

В результате допустимо сделать следующий вывод: переводчик по какой-то причине приписал авторство песни, написанной в стиле хард-рок, исполнителю лирических песен о любви, хотя сам автор имел в виду несколько иное, а именно несуществующую кавер-версию песни «Bat Out Of Hell», которую мог бы исполнять Джонни Мэтис. Допущенная ошибка в переводе привела к полной утрате комичности фрагмента, так как у русскоязычного читателя, скорее всего, сложится впечатление, что данную песню действительно написал и исполняет Джонни Мэтис. Отметим, что при переводе была сделана поясняющая ссылка – «Джонни Мэтис – американский певец, исполнитель лирических баллад. Пик его популярности пришелся на конец 1950-х», однако из этого также следует вышеописанное противоречие, так как название песни, переведенное как «Нетопырь из преисподней», никак не соответствует

образу исполнителя лирических баллад. При переводе данного отрывка переводчику следовало уточнить значение и культурную референтность используемых прецедентных феноменов.

Рассмотрев примеры перевода прецедентных феноменов, заключаем, что основным критерием для перевода прецедентных феноменов является их известность для среднестатистического читателя. Перевод прецедентов может осуществляться с помощью транскрипции, транслитераций, калькирования, прямого и описательного перевода, генерализации, конкретизации, с помощью грамматических трансформаций, в некоторых случаях, целостного преобразования. Каждый конкретный случай требует использования определенной переводческой стратегии. Если прецедентная единица по какой-либо причине не является известной подавляющему большинству читателей, то следует пояснить ее, либо заменить на узнаваемый эквивалент, не искажающий оригинальный смысл единицы.

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство прецедентных единиц, употребленных в контексте иронической недосказанности, призваны раскрыть образы персонажей произведения, их действия, конкретную ситуацию, более точно выразить отношение к тем или иным событиям.

Важным этапом представляется анализ прецедентного феномена на этапе аппроксимации текста оригинала (поиск информации о нем), транспонирование его в перекодированном виде в воссозданный текст перевода для успешной ассимиляции и рецепции текста перевода в принимающей лингвокультуре. Весь спектр метадискурсивной деятельности переводчика обеспечивает полноценность и эквивалентность перевода прецедента в комической интенции автора. Переводчик и его ментальная картина видения текста оригинала определяют содержание и качество перевода, неверная интерпретация может привести к искажению смысла, нивелированию эффекта недосказанности, недоговоренности, а также к потере художественного и эмоционального впечатления, заложенного автором оригинального текста.

Метадискурсивная деятельность переводчика определяет творческие переводческие решения, направленные на обеспечение полноценного понимания текста оригинала и перевода коммуникантами, принадлежащими к разным лингвокультурам и обладающих разной ментальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкий, В.М. К вопросу о "глубине" владения иностранным языком // Меняющийся мир и образование в духе мира и ненасилия: Тезисы докладов Международной научной конференции. – Самара, 1993. – С. 289–291.
2. Frankl, V.E. Man's Search for Meaning. – Boston: Beacon Press books, 1992. – 155 p.
3. Павловская, А.В. Англия и англичане. 2-е изд. – М.: Изд-во Московского университета; Памятники исторической мысли, 2005. – 270 с.
4. Fox, K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. – London: Hodder&Stoughton, 2004. – 432 p.
5. Просодия современного англоязычного устного дискурса: социокультурный аспект: монография / Под общ. ред. Е.Л. Фрейдиной. – М.: МГПУ, 2015. – 236 с.
6. Бондарь, О.А. Категория «недосказанность (understatement)» в коммуникативном поведении представителей британской, немецкой и русской лингвокультур //

- Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №3 (69): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 62–64.
7. Zabalbeascoa, P. Humor and Translation – an Interdiscipline // *Humor* 18:2, 2005. – pp. 185–207. [Электронный ресурс] URL: https://www.academia.edu/3239448/Humor_and_Translation_an_Interdiscipline (дата обращения 29.11.2020).
 8. Attardo, S. *Linguistic Theories of Humour*. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1994.
 9. Manini, L. Meaningful Literary Names: Their Forms and Functions, and their Translation. / In: Delabastita, Dirk. (ed.) // *The Translator: Studies in Intercultural Communication* 2:2. – Manchester: St. Jerome, 1996. – pp. 161–178. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13556509.1996.10798972> (дата обращения 29.11.2020).
 10. Delabastita, D. Introduction. In: Delabastita, Dirk (ed.) // *Wordplay and Translation: Essays on Punning and Translation*. Special issue of *The Translator* 2:2, 1996. – pp. 1–22.
 11. Красных, В.В. *Свой среди чужих: миф или реальность*. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.
 12. Нахимова, Е.А. *Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография*. – Екатеринбург: УГПУ, 2007. – 207 с.
 13. Аверкина, Л.А. Смена кода при переводе прецедентных текстов в аспекте межкультурной коммуникации // *Вестник МГЛУ*. 2012. Вып.9 (642). – С. 43–54.
 14. Ариас, А.М., Ярохина, Я.С. К проблеме передачи прецедентных феноменов при переводе // *Ученые записки СПбУТУиЭ*. № 4 (56). – СПб.: Изд-во СПбУТУиЭ, 2016. – С. 38–41.
 15. Пластинина, Н.А. Метакоммуникативная деятельность переводчика как переводческая стратегия // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. №1 (15). – Пермь: Изд-во ПНИПУ. – 2016. – С. 50–61.
 16. Attardo, S. Translation and Humour // *The Translator* 8:2, 2002. – pp. 173–194. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/261653423_Translation_and_Humour (дата обращения 29.11.2020).
 17. Нефёдова, Л.А., Миронова, Д.А. Тактики перевода лингвокреативных средств в заголовках медиатекстов // *Вестник Челябинского гос. ун-та. Филологические науки*. 2016. вып. 4 (386). – С. 139–143.

Bondar Olga Alexandronva

Nizhnevartovsk state university, Nizhnevartovsk, Russia

E-mail: bondar.ol@bk.ru

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=1051319

Plastinina Nina Anatol'evna

Nizhnevartovsk state university, Nizhnevartovsk, Russia

E-mail: nina.plastinina2011@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7658-890X>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=788480

Cognitive potential of precedent phenomena in the comic and ironic intention of understatement: problems of translation

Abstract. The article is devoted to the study of precedents as phenomena with the cognitive potential to create hidden and ironic intentions. These phenomena help to achieve a humorous effect. The authors also consider the use of “understatement” as one of the unique parts of British humor. Understatement is represented by indirect, hidden statements, the purpose of which is to have a certain impact on the listener. The authors also claim that precedent phenomena have the cognitive potential to express this function. The problem is that a translator should save the communicative impact of the original text. The article analyses the examples of English-Russian translation and gives some translation strategies.

Keywords: precedent phenomena; understatement; irony; humour; cross-cultural communication; translation; translator’s metacommunicative activity